

Встреча с Тургеневым

(Страница воспоминаний)

Оригинал здесь: ["НЛО" 2005, № 72](#).

Летом 1880 года я был в Париже ¹ и, воспользовавшись рекомендательным письмом от редактора "Вестника Европы", М.М. Стасюлевича, навестил Тургенева. Я знал от Стасюлевича, что он отзывался с похвалой о первых моих стихотворениях, напечатанных в "Вестнике Европы"². Тургенев ждал меня. Я приехал к нему днем в Буживаль, где он жил на даче у Виардо ³. Консьерж сказал мне, что Тургенев в саду, в павильоне. Я постучался в павильон и вошел. Навстречу мне поднялся высокий старик, в котором я по портретам узнал Тургенева и обратился к нему по-русски.

К удивлению моему, старик улыбнулся и сказал мне по-французски, что он Виардо, а что Тургенев тут рядом, в другом павильоне. Сходство между Виардо и Тургеневым было поразительное.

Когда, однако, я вошел к Тургеневу во второй павильон, то увидел перед собой человека не то что высокого, а гигантского роста, широкоплечего, с густыми седыми волосами, остриженными по-русски, в скобку, с седой бородой, и с простым лицом славянского и даже чисто крестьянского типа.

К немалому моему смущению, этот гигант вдруг схватил щетку и, сильно нагнувшись, принялся меня чистить. По дороге в Буживаль я попал под дождь и был весь забрызган. Я услышал над собой наставления, произнесенные странно тонким при такой огромной фигуре голосом:

-- Всегда, куда бы вы ни отправлялись, берите с собой зонтик.

Наконец мы усадились и началась беседа, длившаяся без перерыва часа три или дольше. Вначале Тургенев меня как-то огорчил и смутил. Я шел к нему в приподнятом настроении, ожидая всяческих откровений на высокие темы, а он вместо того заговорил на тему парижских сплетен из жизни русской колонии, стал рассказывать об открывшемся в то время клубе русских художников ⁴ и выразился с площадной грубостью о секретаре клуба ⁵, тут же почему-то советуя мне познакомиться с ним.

Подметив, вероятно, тень, пробежавшую по моему лицу, Тургенев почувствовал, что взял неверный тон в начавшейся беседе, но, как это иногда бывает, не мог сразу прекратить, а скорее усиливал создавшуюся неловкость. Не дав мне опомниться, он вдруг заговорил о себе в слишком интимном тоне:

-- Ведь вот меня почему-то считают чувственником, -- сообщил он мне. -- Женщины пишут мне любовные письма. А на самом деле у меня совсем нет темперамента. Виардо говорит, что я рыба.

Я все более смущался от этих неожиданных подробностей интимного характера, и мне казалось, что Тургенев как бы рисуется, стараясь поразить посетителя. Он тоже, по-видимому, чувствовал себя не по себе, внутренне раздражался из-за чужавшейся ему на моем лице насмешливой улыбки, и через некоторое время неудачное начало беседы привело к довольно бурной сцене.

Тургенев заговорил о молодых русских писателях и отозвался с большим сочувствием о Гаршине, которого сравнил с Мопассаном.

-- А вот еще, -- прибавил он, -- обращаю ваше внимание на молодого писателя, автора рассказа "Степь". Фамилия его Чехов. Это, кажется, настоящий талант ⁶.

Я необдуманно заметил, что молодым писателям, пришедшим после таких гигантов, как Тургенев, Толстой, Гончаров, трудно писать, так как все главные темы исчерпаны.

Должно быть, говоря это, я продолжал несколько смущенно улыбаться, и это окончательно вывело из себя Тургенева, всегда подозревавшего младшее поколение в неуважительном к себе отношении.

-- Вздор вы говорите! -- накинулся он на меня. -- У каждого поколения свои темы.

И потом вдруг закричал:

-- Как вы смеете смеяться надо мной! Мне шестьдесят три года.

Я совершенно оторопел и не знал, что ему ответить. Мне, конечно, в голову не приходило смеяться над ним. Увидав мой искренний испуг, Тургенев опомнился, сразу переменил тон, стараясь сгладить впечатление от своей ничем не вызванной вспышки, и стал сыпать анекдотами и рассказами, увлекая меня необычайным блеском и талантом передачи разных воспоминаний.

Прежде всего он рассказал мне о своей единственной встрече с Пушкиным.

-- Видел я его в книжной лавке Смирдина ⁷, когда он уходил, надевая шинель. А как вы думаете, -- вдруг спросил он у меня, -- какого у него были цвета волосы?

Я ответил, что представляю себе Пушкина брюнетом в связи с его происхождением.

-- Ошибаетесь, -- сказал Тургенев. -- У Пушкина были светлые курчавые волосы.

А